

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Структурация российского общества в XIX – начале XX вв. (по материалам отечественных исследований)

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Структурация российского общества в XIX–начале XX вв. (по материалам отечественных исследований)// Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

For citation: Belyaeva L. A. The structuration of Russian society in the 19th and early 20th century (based on the works of domestic researchers). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Беляева Людмила Александровна

Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [614677](#)

Аннотация. Статья представляет собой первую часть работы, посвящённой анализу социальной структуризации российского общества за период с середины XIX в. по настоящее время. Хронология первой части охватывает период по 1917 г., вторая часть будет посвящена советскому и постсоветскому периодам. В статье применена методология Э. Гидденса, предложившего использовать термин «структуризация» для анализа социальных отношений в пространстве и времени. Методология предусматривает рассмотрение процессов структуризации через призму исследований, которые проводились в тот период, когда происходили радикальные перемены в структуре российского общества. Главным событием, определившим направление общественных изменений, стала отмена крепостного права в Российской империи, что вызвало сдвиги в структуре населения: ускоренное формирование рабочего класса, социальные преобразования на селе и развитие внутрироссийской миграции. В статье показано, что эти процессы имели в России научное сопровождение, в которое включились как официальные учреждения, проводившие переписи населения, изучение состава и условий труда на фабриках и заводах (это была функция фабрично-заводских инспекций), так и исследования учёных и практиков. В трудах Н. В. Калачова, Н. Н. Флеровского, Е. В. Погожева, М. И. Туган-Барановского и других были разработаны детальные социальные характеристики рабочих и их положения в структуре общества и на производстве. Изучением села (и самого большого класса общества – крестьянства) занимались земства. Развёрнутые монографические исследования были выполнены П. П. Семёновым, В. И. Покровским, В. И. Орловым, П. П. Червинским, Ф. А. Щербиной, другими учёными. В статье показано, что структуризация населения на рубеже веков в тер-

риториальном аспекте существенно зависела от переселенческих движений и внутренней миграции. Выдающиеся исследования этих процессов провели Д. А. Давидов, Е. Н. Анучин, И.А. Гурвич, И. Л. Ямзин и другие отечественные исследователи. К изучению подключились не только учёные, но и практики, активное участие в экспедиционных исследованиях приняла российская интеллигенция. Усилиями образованного сословия были получены ценные сведения о структуре общества, состоянии общественных отношений в России, миграционных процессах, социальных характеристиках основных структурных элементов общества – крестьян и рабочих.

Ключевые слова: структуризация, социальная структура, перепись населения, исследования рабочего класса и крестьянства, земские исследования, переселение, колонизация

При рассмотрении проблем, находящихся в центре внимания в данной статье, используются понятия теории структуризации. Термин структуризация – «структурирование социальных отношений в пространстве и времени» – был введён Э. Гидденсом для обозначения результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью актора (индивида, общности, института). В свою очередь, понятие «структура» используется в теории структуризации для «обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлечённых в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве» [Гидденс 2005: 29]. С точки зрения учёного, теория структуризации обладает эвристическим эффектом для целей эмпирического исследования, она может в качестве социальной теории стать основой для анализа связи между структурой и действием. Гидденс специально отмечает, что ключевым понятием теории структуризации является концепция дуальности структуры. «Структуральные свойства социальной системы выступают и как средство производства социальной жизни..., и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью... Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она всегда как ограничивает, так и создаёт возможности для действия» [Гидденс 2005: 70]. Социальные структуры задаются человеческими действиями и отношениями, устойчивость структур обуславливается их повторяемостью во времени и пространстве [Гидденс 1999: 33].

С точки зрения теории структуризации, при анализе общества и его элементов нельзя ограничиваться только структурой (составом) в определённый момент времени; необходимо изучить, какие общественные процессы вызывали структуризацию общества, какие правила действовали и какие ресурсы вовлечены в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства и изменения данной структуры. А для этого нужно располагать надёжными сведениями о том, какие регулярные социальные практики воспроизводились в тот или иной период времени

и оказали своё структурирующее влияние. Иными словами, необходимо иметь достаточный материал для анализа проблем структуризации и уже с этой целью проводить соответствующие исследования.

Для каждого периода развития российского общества можно выделить доминирующее событие, оказавшее своё влияние на изменение структуры общества, обусловившее его структуризацию. Проследить это влияние можно, используя материалы проводившихся в тот период исследований. В данной части статьи будет рассмотрено влияние отмены крепостного права в России на три процесса структуризации общества: возникновение массового рабочего класса, социальные изменения в деревне, массовые организованные миграции крестьянского населения.

Изучение структуры общества

Знание о составе общества, изучение социального состояния народа в России изначально преследовало цель собрать сведения для налогового обложения и выполнения населением воинских повинностей. Недостаточно точный и подробный учёт населения был характерен для писцовых и переписных книг, бывших в употреблении до начала XVIII века. Введение далее регулярных ревизий несколько улучшило ситуацию с учётом населения, а позже (с 1858 г.) стал применяться административно-полицейский учёт на основе посемейных списков. Всего было проведено три крупных административно-полицейских учёта населения – 1858, 1863, 1885 гг. Текущий учёт населения (рождение, браки, смерть) осуществляло духовенство вплоть до 1918 г. К концу XIX в. созрела необходимость и возможность (был уже накоплен опыт переписей в разных городах империи) и поставлена задача провести всероссийскую перепись по полной, специально разработанной программе, включавшей 14 вопросов по основным объективным характеристикам населения: имя (прозвище), семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, сословие или состояние, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие, физические недостатки (глухота, слепота, глухонмота, душевная болезнь). Был включён и вопрос о воинской повинности. Несмотря на неточности и недостатки проведённой переписи, именно благодаря ей (единственной общероссийской и очень хорошо подготовленной специалистами-статистиками), стало многое известно о российском обществе. По данным переписи¹, в России проживало 125 680 682 чел., на 100 мужчин приходилось 101,05 женщин. Средний возраст составлял 25,16 лет. В домохозяйствах в среднем состояло из 5,8 чел., 8,6% домохозяйств пользовались наёмным трудом, при этом 22,3% городских домохозяйств имели прислугу, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге 42,4 и 35,4% хозяйств соответственно. На момент переписи в городах про-

¹ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года: I-II. [Т.] 1 СПб., 1905.

живало 13% всего населения. Число жителей в четырёх городах – Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Одессе составляло 3 391 018 чел., или 20,5% всего городского населения империи. 78,9% населения европейской части Российской империи было неграмотным, при этом неграмотных женщин было в 2,2 раза больше, чем мужчин. Самым крупным городом страны был Санкт-Петербург (1 264 920 жителей). По вероисповеданию население разделялось на следующие группы: православные и старообрядцы – 69,9%, мусульмане – 10,8%, католики – 8,9%, протестанты – 4,8%, иудеи – 4,0%, буддисты – 0,3%. В переписи была зафиксирована структура населения по занятиям: дворяне и чиновники составляли 1,47% по стране, в Москве – 6,59, в Санкт-Петербурге 9,68%. Лица духовного звания всех христианских исповеданий составляли 0,47%, крестьян было подавляющее большинство в населении – 77,1%, но, как пишут авторы сводного тома, с учётом казаков, инородцев и части мещан, которые по роду своей деятельности не отличались от крестьян; общая численность лиц, занятых сельскохозяйственным трудом, достигала 90% населения России, а в ряде губерний ещё больше, например, в Вятской – 97,2%. Интересно отметить, что в переписном листе, который заполнялся со слов императора Николая II, в разделе «занятие» было написано «Хозяин земли Русской». Материалы переписи были обработаны и полностью опубликованы к 1905 г. К этому времени было издано 89 томов (119 книг) итогов переписи по отдельным губерниям, а также «Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.». Работа по обработке материалов переписи и их изданию продолжалась и позже¹. Получить представление о методах разработки переписей, полноте использовавшихся показателей можно, ознакомившись, например, с данными о численности и составе рабочих в разрезе губерний по занятиям, распределении по полу, возрасту, грамотности и т. д., которые содержатся в специально изданных томах².

Наряду со статистическим изучением структуры населения, с середины XIX в. учёные и практики приступили к анализу положения отдельных классов, групп, слоёв, организаций, составлявших каркас общества, или, как можно сказать сейчас, его социального пространства. Эти исследования проводились в контексте общего развития экономических отношений в стране с акцентом на описание бытовых, социальных, культурных особенностей и потребностей этих общностей. На международных социологических конгрессах (Париж–1903 г., Лондон–1906 г.) с наиболее интересными докладами об историческом развитии классов

¹ Статистика Российской империи. Изд. Статист. Комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1887–1917. (отдельные выпуски посвящены специальным проблемам – «Университеты и средние учебные заведения», «Движение населения» – ежегодно, «Данные поземельной статистики», «Мирские доходы и расходы», «Сельские училища», «Еврейские питейные заведения», «Статистические данные о разводах и недействительных браках», «Еврейское землевладение и землепользование в Российской Империи» и проч.

² Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: Т. 1–2. [Санкт-Петербург]: паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906.

и сословий выступали русские учёные – М. Ковалевский, И. Лучницкий, Е. Де-Роберти). В отечественной науке было разработано несколько теорий классов: «распределительная» (В. Чернов, М. Туган-Барановский, П. Б. Струве), «организационная» (А. Богданов, А. В. Чаянов и др.). В первой теории классовообразующими признаками выступали виды и размеры дохода, во второй – роль в организации труда. Марксистская теория классов (В. И. Ульянов) выделяла в качестве главного признака классовой дифференциации собственность на средства производства. В полемике с названными концепциями складывалась и стратификационная теория (П. Сорокин, К. Тахтарёв) [Голосенко 1984: 163–168], которая рассматривала в качестве социально дифференцирующих не один, а несколько признаков, и видела социальные различия не только между классами, но и внутри них. Исследовательская работа многих учёных позволила выделить (в единой, на первый взгляд, трудящейся массе) характерные для отдельных групп и слоёв общие черты, позволила представить многомерную картину структурации российского общества.

Изучение рабочего класса

С развитием капитализма в России уже в 60-е гг. XIX в. появляются работы о положении трудящихся классов, прежде всего – растущего рабочего класса. Предвестником этих исследований явилась мало известная современным читателям книга Н. В. Калачова «Артели древней и нынешней России» [Калачов 1864], в которой анализируется формирование и развитие в России такой формы объединения простых людей для совместной деятельности, как артель. Первые оформленные договором отношения в артели и со сторонними людьми относятся к 1654 г. Существовали артели ярыжные, каменщиков, плотничьи, рыболовов, бортников, чернорабочих, извозчиков, скоморохов, нищих и разбойников. В XVIII и XIX вв. были распространены артели биржевые, судорабочих и бурлаков, ломщиков соли, извозчиков; артели, выполняющие разные горнозаводские работы. Н. В. Калачов подробно рассматривает правовые отношения в артелях разного типа, анализирует экономические отношения внутри артели и с внешним миром, систему их внутренней организации, управления и взаимного контроля.

К этому же периоду относится яркая книга народника Василия Васильевича Берви, взявшего впоследствии псевдоним Н. Н. Флеровский, «Положение рабочего класса в России» [Флеровский 1958], впервые изданная в 1869 г. В ней содержатся материалы о положении не только рабочих, но и других групп трудящегося населения, обобщён огромный фактический материал, результаты изучения местных статистических данных и личных наблюдений об экономическом развитии и о положении трудящихся масс в различных губерниях. Н. Н. Флеровский утверждал, что современная ему Россия – страна пауперизма, что на огромных пространствах Сибири, Поволжья, центрально-чернозёмных

губерний живёт несчастное и бедствующее население. Описание жизни и труда работников золотых приисков в Сибири, крестьян и рыбаков на Севере и в Астраханской губернии, анализ обеспеченности крестьян землёй в разных регионах России, организация труда на Урале, отношения крестьян с крупными землевладельцами и зажиточным слоем деревни, уровень благосостояния и демографического развития крестьян в разных регионах России, занятость отхожим промыслом в Центральной России и Поволжье – это неполный перечень проблем, которые были изучены Н. Н. Флеровским. Он был сторонником самобытного пути развития России, считал, что «наше социально-экономическое развитие предрассудками высших классов искусственно втискивается в западноевропейские рамки». Будучи сторонником коммунистического «общества-организма», Н. Н. Флеровский считал тем не менее, что построение такого общества – длительный процесс, исключаящий насилие и требующий реформ правительства и самоперевоспитания его членов.

Хотя Флеровский был против насильственных действий, его труды содействовали подготовке идейной почвы для восприятия в России радикального учения – марксизма. Сам К. Маркс после знакомства с «Положением рабочего класса в России» писал, что из книги Н. Н. Флеровского неопровержимо вытекает неизбежность «страшной социальной революции» в России.

Одна из первых комплексных работ по положению промышленных рабочих выполнена в 1879–85 гг. Е. М. Дементьевым. Он участвовал в обследовании санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии, при этом самостоятельно обследовал по расширенной программе четыре уезда (Подольский, Серпуховской, Коломенский и Бронницкий), уделив основное внимание экономическим условиям жизни рабочих. В 1893 г. вышла его книга «Фабрика. Что она даёт населению и что она у него берёт» [Дементьев 1893]. Автор опровергает распространённое мнение, что фабричные рабочие суть не более как крестьяне, дополняющие свой скудный доход с земли посторонней работой на фабриках. Оказалось, что только 14% от числа взрослых рабочих уходило на полевые работы, существенное влияние на этот уход оказывала разная степень специализации трудовых функций рабочих. В исследовании анализируются связь фабричных рабочих с земледелием, влияние величины заработков и специализации труда на занятия рабочих крестьянским трудом. Дементьев показывает, что на обследованных фабриках многие рабочие числятся крестьянами, но связаны с деревней только податями, которые они вносят при обмене паспортов. Проведённый Дементьевым опрос рабочих показал, что почти 50% являются рабочими уже во втором и третьем поколениях.

Книга Дементьева оказала значительное влияние на творчество М. И. Туган-Барановского. Его книга «Русская фабрика в её прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке» [Туган-Барановский 1900] посвящена историко-экономическому анализу развития промышленности, формированию «фабрикантского» и рабо-

чего класса в России. Работа была опубликована в 1898 г. и, по мнению П. Б. Струве, это «действительно научная социологическая история русской промышленности, долженствующая лечь в основу всех последующих работ на ту же тему» [Туган-Барановский 1997: 3]. Поражает огромный охват исторического материала, обилие привлекаемых источников и их разнообразие – от архивных данных, юридических постановлений, данных статистики до анализа отношения общества и различных политических и литературных течений к развитию промышленности.

Свое исследование Туган-Барановский начинает с изучения промышленности в петровскую эпоху и последовательно анализирует все фазы развития промышленности в дореформенную эпоху (этому посвящена первая часть работы) и после отмены крепостной зависимости (вторая часть). Последовательно рассматриваются формы организации фабричной промышленности, изменение состава класса фабрикантов и фабричных рабочих (от находящихся в крепостной зависимости до формирования рабочего класса), проводится сравнение системы оплаты труда и организации производства в Европе и России и т. д.

Туган-Барановский делает очень существенный вывод, который помогает понять и некоторые современные проблемы социального развития российского общества. В частности, в одной из статей, вышедших после издания «Фабрики», он подчёркивает, что промышленное развитие в России отличается от стран Западной Европы, в частности тем, что в России отсутствовала цеховая организация производства. Между тем на Западе «цех был удивительно законченной, стройной и устойчивой хозяйственной организацией, как нельзя лучше приспособленной к той цели, которой он служил – гармоничному примирению интересов производителей и потребителей. На основе цеха выросла вся промышленная культура Запада. Благодаря цехам в пределах западноевропейского общества возникли и развились многочисленные группы зажиточных и предприимчивых мелких промышленников и торговцев, так называемая «мелкая буржуазия» [Туган-Барановский 1997: 549]. Этот слой стал самым мощным и культурным классом европейского общества, создателем и носителем политической культуры. Он придавал устойчивость, разумный динамизм и социальную стабильность капиталистическому обществу.

Исследование Туган-Барановского и сегодня актуально своим многогранным анализом классов в России в контексте развития экономики, помогает приблизиться к ответу на вопрос, почему капиталистическое развитие страны не стало успешным и было прервано социальной катастрофой, почему и в настоящем возникают кризисные явления в экономике.

Земские исследования

Отдельная и очень интересная страница дореволюционного изучения основной части населения империи – сельских жителей – проводилась в ходе земских исследований. Для их осуществления разрабаты-

вались специальные программы [Велецкий 1899–1900; Чупров 1909]. Эти исследования начались в середине XIX в., развившись к началу следующего века в обширную сеть исследований, ставших прообразом такой отрасли социологии, как социология села. Многочисленные специалисты и их помощники откликнулись на призыв Постановления отдела этнографии Географического общества (1845 г.): «Собирать сведения о простом русском человеке, о народном быте коренного русского населения во всех оттенках». Наряду со статистическими проводились монографические исследования с использованием возможностей разных научных дисциплин – статистики, социологии, экономики, истории, географии, медицины. Отмечу только некоторые работы этого периода, посвящённые исследованию процессов на селе. Особенно отличались исследования, выполненные представителями земств [Твердова-Свавицкая, Свавицкий 1926].

В конце XIX–начале XX вв. специалистами земств и сельской интеллигенцией был собран богатый эмпирический материал о состоянии поземельных отношений, социальном составе жителей деревни, движениях сельского населения, их трудовых практиках и социальных условиях жизни. Многие из этих материалов доступны и сейчас, они ждут своих исследователей, интересующихся проблемами развития сельской России на рубеже XIX и XX вв. Уже к концу 1894 г. за 15 лет активной статистической деятельности были собраны, разработаны и опубликованы земствами материалы крестьянских подворных переписей по 172 уездам, охватившим около 4 млн крестьянских дворов. Это составляло около четверти всего населения России. Программы исследований были значительно шире, достоверность получаемых сведений намного превосходила официальную правительственную статистику. Земства сосредоточивали своё главное внимание на изучении крестьянских хозяйств, доходности земель, кустарных промыслов, социальных условий жизни села, здравоохранения и народного образования, крестьянских бюджетов. Развёрнутые монографические исследования были выполнены П. П. Семёновым в Рязанской губернии, В. И. Покровским в Тверской, В. И. Орловым в Московской, П. П. Червинским в Черниговской губернии, монографические бюджетные исследования проводил Ф. А. Щербина в Воронежской губернии. Воронежская программа бюджетных исследований была положена в основу исследований почти всех остальных земств. К этим исследованиям примыкало и специальное изучение вопросов просвещения, а также санитарная статистика. Знание этих проблем помогало выстраивать местную социальную политику, направлять средства на решение социальных вопросов. Статистические сведения, получаемые земствами, довольно подробно представляли состояние народного образования, а также тех проблем, с которыми сталкиваются земские школы того или иного уезда или губернии в процессе обучения детей и в подготовке учителей. Открытие школ, их содержание и подготовка учителей были приоритетом для земств. По сути, земства создали первые сельские школы в России, в которых к 1913 г. обучалось

около 2 млн детей. За годы существования земств было открыто 28 тыс. школ и подготовлено 45 тыс. учителей. Своего совершенства достиг применяемый в земских исследованиях экспедиционный метод с привлечением местных квалифицированных кадров из числа интеллигенции.

Необходимость изучения состояния деревни в масштабах всей страны стала насущной потребностью после крестьянской реформы 1861 г. Особенно волновала судьба общины, её трансформация в новых общественных условиях. И в первую очередь изучался вопрос о перераспределении земли после реформы. Частные лица и общественные организации разрабатывали специальные программы, чтобы на местах изучить эти проблемы. Так, П. Ефименко разработал «Программу о собирании сведений об общинном землевладении» [Общинное землевладение 1878], включавшую 278 открытых и закрытых вопросов. Программа снабжалась подробной инструкцией, как проводить опрос. В части 1 содержались общие вопросы. Часть 2 «Переделы и пользование пахотной землей» предполагала сбор подробных сведений о том, как происходит земельный передел, на каких условиях, каковы приёмы жеребьёвок и т. д. Части 3–5 назывались «Передел и пользование угодьями», «Отношения общинников к общине и, наоборот, к земле и платежам», «Общинные земли: запасные, арендуемые и покупаемые, и приложение общинного труда к земле». В части 6 «Хорошие и дурные стороны общинного землевладения» предлагалось оценить общинное землевладение самим крестьянам. П. Ефименко считал, что цель исследования – сравнить общинное землепользование с участковым землевладением «на основании непреложных фактических данных, а не произвольных соображений».

Большим знатоком сельского хозяйства и положения на селе был князь А. Васильчиков, который опубликовал в 1881 г. весьма популярный у читающей публики труд «Сельский быт и сельское хозяйство в России» [Васильчиков 1881]. Он поднимал вопрос о том, что спустя 20 лет после реформы, когда крестьяне были наделены землёй и приняты меры против легкомысленных отказов от неё, сельский пролетариат достиг во многих местностях значительных размеров. Автор считал, что эти проблемы следует изучать и принимать меры помощи: облегчать поземельные сборы, содействовать приобретению земли крестьянами или их переселению.

Обсуждения многих проблем изучения деревни проходили с участием общественности – многие, даже специальные вопросы, обсуждались в общедоступных изданиях. Так, в «Русской мысли» за 1888 г. был опубликован обзор «Земская статистика» под авторством В. В., где показывалось, что существуют глубокие региональные отличия (по обеспеченности землёй, развитию промыслов и влиянию сельской общины) между центральными и чернозёмными губерниями, в которых остро ощущался земельный дефицит, и губерниями северными и южнорусскими. В обзоре говорилось, что в Великороссии учёт данных об обеспеченности землёй группируется таким образом, чтобы было возможно изучать общинное поселение с периодическим уравниванием землепользования. В южных

губерниях, где существовала частная собственность на землю и сложилось многообразие групп крестьян, запись велась об индивидуальных хозяйствах, и наряду с территориальными сведениями была введена посемейная группировка [Русская мысль 1888].

В обсуждении и изучении проблем положения и перспектив крестьянства в России активно участвовали многие политические деятели, писатели, учёные. Свой вклад в эмпирическое изучение деревни внёс и С. Н. Южаков – автор теории социального прогресса и сторонник этико-социологической школы. Нравственная позиция, очевидно, многое определила в том подходе к исследованию крестьянского хозяйства, которое он провёл в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии по поручению губернского земства, и вообще в его отношении к крестьянскому вопросу. Он считал, что в России нужно сохранить сельскую общину и артель, которые могли бы стать основой обобществления производства в сельском хозяйстве и кустарных промыслах. С. Н. Южаков был сторонником национализации земли и её распределения в равных долях между теми, кто желает её обрабатывать личным трудом. Обосновывая свою позицию, он провёл тщательное изучение распределения земли в России и вычислил «нормы народного землевладения», которые позволили бы полностью использовать труд всей семьи. В своём труде «Аграрный вопрос в России» Южаков писал: «Наконец надо дать каждому гражданину возможность неголодного существования и обеспечить деревне самостоятельную независимую жизнь... – без этого будет голодать и город. Без этого не будет финансов у казны. Без этого не будет ни покупателя, ни заказов у фабрикантов и заводчиков» [Южаков 1917: 4].

Монографические описания села

До революции 1917 г. довольно широко использовался монографический метод в изучении села. Эти исследования дали столь богатый материал, что можно утверждать – их не смогли превзойти более поздние работы, в том числе советского и современного периода. Наиболее известны следующие монографические исследования: В. С. Мартынова «Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Малышева Воронежского уезда», А. И. Шингарёва «Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда» [Мартынов 1903, Шингарев 1907]. Эти работы, особенно последняя, рассеяли многие иллюзии относительно позитивных изменений на селе в связи с проведением Столыпинской реформы.

А. И. Шингарёв был врачом Гнездиловской больницы, находившейся в 4-х км от исследуемых им пунктов. Он провёл два исследования – в 1901 и 1907 гг., которые показали крайне тяжёлое положение сельского населения в связи с малоземельем в чернозёмной зоне.

В предисловии ко второму своему исследованию А. И. Шингарёв пишет: «Мне хотелось тогда вновь воскресить в памяти общества картины деревенской нужды, хотелось вновь напомнить, как живётся этому великому страстотерпцу, этому серому безграмотному и безответному люду, сотни тысяч сынов которого гибли тогда в далёкой стране на чуждых, залитых кровью полях Манчжурии» [Шингарев 1907: 3].

Оба исследования были проведены по единой программе, в которую в 1907 г. были внесены некоторые изменения. Была использована подворная карта, разработанная Ф. А. Щербиной, в которой нашли отражение большинство санитарных, экономических и бытовых вопросов.

В главе об экономическом положении показано, что земельные наделы минимальные, «нищенские» (как пишет Шингарёв). Сопоставляя ряд экономических показателей, автор приходит к выводу, что количество земли на душу населения за 6 лет уменьшилось, увеличилось число дворов, не обрабатывающих землю, упала аренда земли, резко уменьшилось количество скота, сильно выросла недоимка, развились промыслы, особенно отхожий и питомнический. Сейчас сложно понять, что такое питомнический промысел. Можно предположить, что это выращивание саженцев на продажу. Но это не так. Питомнический промысел состоял в том, что семья брала из детского приюта младенцев для выкармливания и воспитания до 12 летнего возраста, получая за это от земства 20 руб. в год. В малоземельной зоне этот промысел получил большое развитие.

Особенно тщательно исследовал Шингарев проблемы медицинского обслуживания, заболеваемости и демографического движения населения, поскольку это составляло круг его постоянных профессиональных интересов.

В заключительной главе «Главные факторы санитарного неблагополучия местности. Влияние экономических условий: жилища, промыслов и пр.» осуществлена группировка семей по величине надела и показана зависимость прироста населения от уровня зажиточности: с повышением благосостояния увеличивается рождаемость и уменьшается смертность. Группы семей, где развиты местные промыслы, более благополучны и показывают более высокий прирост населения. Напротив, отхожие промыслы понижают рождаемость и прирост. В третьей группе, где развит питомнический промысел, велика смертность собственных детей до одного года.

Земская статистика просвещения и санитарная статистика

Земства проводили большую работу по развитию народного образования, ставя задачу достижения всеобщей грамотности населения. При этом большое внимание уделялось изучению состояния народного просвещения. Сначала эти работы велись в рамках общего статистического исследования, а позднее стали оформляться как специальная статистика

просвещения. Уровень грамотности изучался в группах по полу и занятости отхожими промыслами. По данным земских подворных переписей, проведённых в 1908–13 гг. в 12 губерниях (69 уездов), грамотность среди сельского населения составляла 24–25% [Рашин 1951].

Собираемая земствами статистика народного образования имела несколько направлений [Абрамов 1996]:

1. Сведения о школах: их количество, типы, наличие отделений;
2. Сведения об учащих: общее количество, распределение по полу и отделениям, движение учащихся (вновь принятых и выбывших в течение года, окончивших и оставленных в прежних отделениях, количество получивших отказы в приёме с указанием причин отказов), проведённые развлечения для учащихся и другие сведения;
3. Сведения об учителях: пол, количество, семейное положение, образование, педагогический стаж, в том числе в данном уезде и в данной школе. Собирались даже сведения о судьбе учителей, оставивших работу в данной школе, и другая информация;
4. Сведения о внутренней жизни школы: продолжительность учебного времени, количество учебных дней в году по месяцам, причины перерывов в учебных занятиях, продолжительность курса обучения, преподавание дополнительных предметов, количество школ, имеющих библиотеки для внеклассного чтения, экскурсии, внеклассные занятия и т. п. сведения по внутришкольной деятельности;
5. Сведения по прочим вопросам школьной жизни: организация горячих завтраков, ночлега для учащихся и т. п.;
6. Данные о бюджете: пожертвования частных лиц и учреждений с указанием назначения пожертвования и т. д.

Санитарная статистика в земствах возникает одновременно с первой земской участковой лечебницей, поскольку медицинское обслуживание населения являлось одной из задач, решавшихся земствами. Предметом исследования земских санитарных статистиков являлись монографические описания санитарных условий жизни населения, изучение заболеваемости населения, его смертности, рождаемости, естественного прироста, физического развития, профессиональных заболеваний. Многие видные деятели земской санитарной статистики: Эрисман Ф. Ф., Осипов Е. А., Богословский С. М., Новосельцев С. А. и другие создавали методики и проводили исследования медико-санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии, изучали динамику заболеваний отдельных профессиональных групп рабочих, исследовали различия смертности городского и сельского населения Европейской России. Обобщение опыта санитарных статистиков содержится в книге П. И. Куркина – одного из основоположников русской санитарной статистики [Куркин 1914]. С 1896 г. в течение 20 лет он возглавлял санитарно-статистическое отделение Московского губернского земства. С его именем связано создание так называемой Пироговской классификации

и номенклатуры болезней, названной так в память русского хирурга Н. И. Пирогова. Куркин вместе с Богословским положили начало статистике профессиональной заболеваемости. В фундаментальном труде «Статистика движения населения Московской губернии в 1883–1897 гг.» П. И. Куркин показал влияние экономических и социальных факторов на демографические процессы [Куркин 1902].

Земские исследования можно рассматривать как выдающееся достижение российской науки и практики по всестороннему изучению экономических и социальных проблем российского общества, его структуры в конце XIX–начале XX вв. Методология и методы были столь хорошо разработаны и с таким знанием и тщанием применены земскими статистиками, что вызывают восхищение и сейчас.

Деятельность земских статистиков была прекращена с началом первой мировой войны. Как с горечью писал русский статистик, экономист и общественный деятель А. И. Чупров, «многие тома ценнейших сведений лежат в пыли библиотек», и выражал надежду, что «в будущем их изучат, и по ним будет ясна картина жизни России в конце XIX в.» [Елисеева, Дмитриев 2013: 61].

Изучение миграции населения

Важной отличительной особенностью существования России в течение столетий было непрерывное расширение границ государства, освоение новых территорий и перемещение – стихийное и организованное – больших масс людей по пространствам страны. По выражению В. О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется...» [Ключевский 2016: 5]. Потоки миграции населения меняли своё направление в разные периоды развития страны, а миграционные процессы оказывали своё влияние на структуризацию общества в пространственном измерении. Стоявшие перед властями России задачи расширения территории страны невозможно было решить без переселения на новые территории миллионов людей из центральной части страны и хозяйственного освоения новых владений. Особенно активизировались эти процессы с начала XIX в. При этом власти стремились одновременно решать и проблемы аграрного перенаселения Центра, особенно чернозёмных районов, где крайняя бедность населения вызывалась малоземельем. Но чтобы организовать переселение, необходимо было знать местные условия, включая климат, хозяйство и занятия местного населения, возможности для развития тех или иных производств и труда переселенцев. Эти сведения имели жизненно важное значение для удачного выбора места въезда переселенцев, так как жители степной России более приспособлены жить в подобной же местности на новом месте; занятые рыболовством предпочитали селиться около рек и т. д. Эти факторы старались учесть при определении мест расселения.

Организаторы и руководители переселений были, как правило, и исследователями новых территорий, предоставлявшими самые разнообразные сведения и рекомендации для лучшей организации переселенческих движений. Очень часто ими оказывались официальные лица – губернаторы, чиновники, статистики. Характерный пример такого наиболее раннего исследования – книга губернатора Томской губернии В. Хвостова [Хвостов 1809], в которой даётся описание губернии, характеристика населяющих её народов, их верования; подробно рассказывается о природных условиях, промыслах и занятиях населения всех уездов губернии; излагается история заселения отдельных земель; описывается, как идёт экономическое освоение края. При этом автор показывает, как происходит расселение и обеспечение переселенцев на новых местах.

Другое исследование подобного рода вышло в свет в 1885 г. Его автор – Франц Шперк [Шперк 1885]. В книге представлена история завоевания и заселения Амурского края, приводится его топография, краткий геологический очерк, гидрография, климат, флора и фауна, этнографические сведения о населении. Подробно описываются жилища, пища, одежда аборигенов и пришлого населения, крестьянские и маньчжурские селения и казачьи станицы. Делаются предупреждения о распространённых в крае болезнях. К трудам такого же типа можно отнести издание трёх томов с атласом под общим названием «Азиатская Россия» [1914] и др. Эти исследования носили описательный характер и имели прикладную направленность – они знакомили публику с новыми российскими территориями и проживающими там народами.

Особо следует остановиться на труде Д. А. Давидова «Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии» [Давидов 1911], поскольку он уже ставит и некоторые методологические вопросы, даёт определение понятий – переселение и колонизация. Переселение – это свободное передвижение оседлого населения из одного в другое место постоянного жительства, без какого-либо активного и планомерного участия государственной власти по отношению к дальнейшей судьбе эмигрирующего элемента. Колонизация – это «свободное передвижение оседлого населения в определённую область в целях государственных, и потому при участии активной и планомерной деятельности государственной власти по отношению к дальнейшей судьбе населения. Переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [Давидов 1911: 24].

Но книга Давидова интересна не только этими определениями, по поводу которых будет в течение многих десятилетий дискутировать научная общественность, но и тем, что она посвящена колонизаторской политике Китая в Маньчжурии и Монголии. Осуществление этой политики соседнего государства не было безразлично для России в те далёкие времена, да и сейчас весьма поучительно.

Давидов подробно рассматривает практику колонизации Китая Маньчжурии и северо-восточной Монголии для укрепления влияния на окраины, издавна политически связанные с китайской империей.

Автор изучил деятельность Главного колонизационного бюро Китая, осуществлявшего разные проекты заселения, охарактеризовал размеры переселения, пути движения переселенцев, места выхода основного потока переселенцев.

Давидов подробно описал принципы колонизационной политики китайского правительства и меры поощрения переселения, основные районы колонизации и плотность населения в них. Он проанализировал различные системы и техники заселения: самовольный захват земель, заселение ссыльными и вольными колонистами; колонии, образуемые акционерными компаниями или торговыми ассоциациями; заселение пограничными караулами и пр.; показал основные занятия населения в колонизационных районах и состояние торговли с Россией. По приведённым Давидовым данным видно, что колонизационная политика Китая была более рационально выстроена, чем политика России на Дальнем Востоке, а торговый баланс между этими районами неизменно складывался для России неблагоприятно.

Несмотря на описательный характер подобного рода исследований, проблемы колонизации и переселения тесно увязывались с социально-экономическим развитием края и всей России, и, помимо познавательного, имели научное значение для исследования проблем переселения. Часто в них содержались данные о причинах успешности либо провале переселенческих мероприятий, определялись сроки, когда переселения можно назвать состоявшимися ввиду укоренения вновь прибывших на новых территориях.

Миграция оказывала своё влияние на структурацию общества в социальном и территориальном аспектах. В конце XIX–начале XX в. за Урал было перемещено 1,6 млн семейных переселенцев, которые уходили в основном из центрально-чернозёмных губерний, где был избыток сельскохозяйственного населения и нехватка земли. Самые большие потоки мигрантов составляли крестьяне Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Самарской, Пензенской и Саратовской губерний – 1,3 млн чел. [Морозов 2016].

Интересное эмпирическое исследование проблем переселенцев провёл Е. Н. Анучин на весьма специфическом объекте – сосланных в Сибирь преступниках. Это была выдающаяся личность и крупный учёный. Он окончил медицинский факультет Московского университета, работал в статистических органах Тобольской и Самарской губерний. Анучин впервые в отечественной науке применил термин «демография» в работе «Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс» (1872 г.).

Известно, что большинство сосланных оставалось впоследствии жить в Сибири и осваивало этот край вместе с прибывшими сюда добровольно. Книга Анучина Е. Н. «Исследование о проценте сосланных в Сибирь» впервые была издана в Тобольске в 1866 г. За эту работу он получил высшую награду Русского географического общества – медаль, а работа позднее была переиздана в Санкт-Петербурге [Анучин 1873].

Е. Н. Анучин свёл вместе и проанализировал данные о сосланных в Сибирь с 1823 по 1846 гг. включительно. Именно с 1823 г. все лица, назначаемые на каторгу, на поселение и на водворение в Сибирь, проходили через Тобольский Приказ, где они записывались в особые книги с указанием пола, возраста, звания, религии, рода преступления, степени наказания и местности, из которой они прибыли. Анучин проанализировал состав сосланных по видам преступлений и показал, что главную массу составляют разного рода бродяги, беглые крестьяне, военные дезертиры и т. п. Одна треть сосланных совершили преступления против собственности, а в их числе 4/5 – мелкие мошенники и обыкновенные воры. Лишь 11-я часть сосланных объединяет совершивших преступления против жизни и здоровья.

Анучин рассмотрел в динамике состав сосланных по всем вышеуказанным признакам и, отдавая должное методам А. Кетле [Кетле 1866], проанализировал зависимость тех или иных видов преступлений от возраста, пола, звания, религии, давая обоснованные выводы относительно выявленных зависимостей. В частности, он определил, что преступления, совершаемые лицами дворянского звания, в процентном отношении к числу дворян значительно превышают такие же пропорции в других сословиях. Так, по вероятности сделаться государственным преступником дворянство превосходит солдат в 19,15 раз, мещан в 30,5 раз, крестьян 122,0 раза. После воровства, которое стоит на первом месте во всех сословиях, второе место у дворян занимает подделка документов и государственные преступления.

Замечательное исследование проблем переселения крестьян в Сибирь провёл в 80-е г. XIX в. И. А. Гурвич [Гурвич 1888]. Это было, по существу, настоящее социологическое исследование, проведённое по заранее разработанной программе, с применением разнообразных инструментов – разного типа опросов (лично Гурвичем было опрошено 1200 семей, или 7400 душ), анализа статистических данных и документов, метода изучения биографий.

В исследовании раскрываются экономические причины переселения крестьян в Сибирь; показано, как происходило устройство крестьян на новом месте (этой проблеме посвящено несколько глав). Картину дополняет живописный рассказ одного пермского крестьянина (история одной семьи), записанный автором. Сформулированные выводы имели широкое социальное значение, поскольку касались положения крестьянства после реформы 1861 г., которая не решила проблем наделения крестьян землёй, что вызвало усиление их перемещения на Восток. Гурвич пишет: «бывали в нашей истории такие особенные периоды политического и общественного нестроения, когда это обычное движение принимало как бы эпидемический характер, и «подлого звания людишки», по летописному выражению, «брели розно» [Гурвич 1888: I-II]. Автор анализирует состав переселенцев по зажиточности, показывая преобладание крестьян со средним достатком, а также выявляет экономические причины переселения крестьян в зависимости от места их

прежнего жительство. Он доказывает, что причина для выходцев из центральных районов – малоземелье, а вот жителями зауральской части Пермской и Оренбургской губерний движет дух предпринимательства. Об этих переселенцах Гурвич пишет: «места они стремятся выбирать такие, где ранее их никто ещё не занимался земледелием, где, стало быть, для земледельца открыт ещё полный, ничем не ограниченный простор» [Гурвич 1888: 59]. Характерно, что Гурвич не ограничивается изучением социально-экономических причин переселений, но изучает и психологические мотивы переселения, включая специальный пункт в Программу обследования.

В приложении к своему труду Гурвич публикует Программу для исследования крестьянских переселений в Сибирь из 97 вопросов, объединённых в 5 разделов: 1. Быт переселенцев до выселения; 2. Выход из поселения; 3 Путешествие; 4. Положение переселенцев в местах водворения; 5. Старые колонии.

В начале XX в. интенсивность переселений в России нарастала. Стали появляться работы, обобщающие опыт переселенческого движения за многие годы. Такое исследование опубликовал в 1912 г. И. Л. Ямзин. Он проанализировал миграционные процессы за большой период – с момента освобождения крестьян до 1912 г. Ямзин использовал многочисленные материалы статистического характера, данные Переселенческого комитета, земские исследования, материалы регистрации переселенцев в Челябинске, материалы двух экспедиций, проведённых для исследования кочевого хозяйства в Средней Азии (Щербины и Кузнецова). В книге даётся периодизация переселенческого движения: первый период – до начала работы Комитета Сибирской железной дороги, занимавшегося переселением, т. е. до 1893 г. Второй период – это время после его учреждения. Комитет Сибирской железной дороги просуществовал до 1904 г. и усиленно занимался переселением крестьян для осваивания прилегающих к дороге местностей. Кроме того, он защищал самостоятельных переселенцев, выступал против предложения министра внутренних дел И. Н. Дурново о насильственном их возвращении. При содействии Комитета переселенцы наделялись землёй по определённым нормам, обеспечивались кредитами, материальной помощью на переезд и обзаведение хозяйством. За время существования Комитета в Сибирь переселились около полутора млн человек. В книге анализируются также переселения на Алтай, Кавказ и Приамурье. Как пишет Ямзин, колонизация Дальнего Востока и Кавказа, в отличие от Сибири, была менее успешной [Ямзин 1912].

Ямзин обстоятельно изучает причины переселения, отмечая среди главнейших – малоземелье и большие крестьянские семьи. Останавливается он и на последствиях переселения в местах выхода. Переселенцу после указа от 9 ноября 1906 г., разрешившего отчуждение надельной земли, стало выгодно продать свою землю, и большинство переселенцев предпочли это сделать. В местах выхода крестьян во многих случаях наблюдалось сокращение работоспособного населения, особенно мужского пола.

Обсуждая уровень благосостояния переселенцев на новых местах, Ямзин на фактических данных показывает его прямую зависимость от срока жизни на новом месте. В среднем было достаточно десяти лет, чтобы переселенческое хозяйство вдвое превысило уровень жизни на месте исхода.

Несмотря на содействие в обустройстве на новом месте, часть переселенцев предпочитала возвращаться. В разные годы от 2,2 (1894 г.) до 46,2% (1911 г.) от общего числа переселенцев возвращались в места исхода. Опрос возвращенцев из Сибири показал, что на первом месте среди причин считаются неподходящие естественные условия – 27,2%. Вторая причина – недостаток рабочих сил или средств в пути и на устройство хозяйства – 23,3%. Третья причина – отсутствие разрешения на переселение – 21,4%. Тем не менее только за 1907–11 гг. на восток России переселились 2,6 млн человек.

Серьёзную проблему успеха переселенческого движения – земельную политику в колониях – обсуждает в своей книге Г. Гинс «Переселение и колонизация» [Гинс 1913]. Называя земельную политику «фундаментом колонизации», Гинс останавливается на следующих проблемах: как, на каких условиях обеспечить землю местное, в частности – туземное население; на каких основаниях передавать землю колонистам: какое право на землю передавать колонистам, а какие права сохранять за государством; какие формы земельного оборота пригодны для колоний. Анализируя опыт других стран мира, в частности США и Австралии, Гинс рассматривает разные способы решения земельного вопроса: недостатки и преимущества даровой раздачи земли и продажи за низкую цену (США), за высокую цену (Австралия), долгосрочной аренды (Голландия) и другие способы. Гинс пишет, что этот опыт нужно изучать и использовать в России при колонизации Дальнего Востока и Средней Азии.

Гинс ставит также вопрос, какими способами привлечь капитал в Сибирь на вновь осваиваемые земли, как ускорить появление крупных капиталистических хозяйств. По его мнению, один из главных способов – введение собственности на землю: «Возможность покупать земли – это первое могучее средство привлечь денежные элементы. Начнётся, конечно, спекуляция землёю, против которой, быть может, следовало бы принять некоторые меры, но главным последствием введения собственности на землю будет постепенное образование более крупных хозяйств с интенсивной обработкой земли. Вслед за тем явится скопление денежных средств в руках более предприимчивых и удачных хозяев. Одновременно пойдёт неизбежный и необходимый процесс обезземеления части населения и образования класса сельскохозяйственных рабочих...Осторожность требует введения её (собственности на землю – Л.Б.) постепенно, с некоторыми ограничениями, так как слишком резкий переход от одной правовой системы к другой, хотя бы и более прогрессивной, является действием, ломающим психологию и привычки быта» [Гинс 1913: 23].

Миграционные процессы не ограничивались переселением в другие губернии (в основном на восток страны). Модернизация экономики с развитием промышленного производства и аграрным перенаселением в центре империи обусловили увеличение миграции крестьян в города и занятость отхожими промыслами. По данным статистического учёта, в Москве и Санкт-Петербурге в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами. Миграция в города и отходничество были распространены больше в северо-западных губерниях и в Центре, а также в Поволжье за счёт развития бурлачества до введения паровой тяги на судах.

Внутренние миграции в дореволюционный период являлись следствием двух основных процессов: социальной модернизации страны с постепенным переходом к индустриальному развитию и колонизации восточных территорий. Оба эти процесса определяли глобальную структурацию российского общества и находили своё отражение в исследованиях того времени, к некоторым из которых было привлечено внимание в данной статье.

Заключение

Структурация российского общества в XIX – начале XX вв., рассмотренная через призму проведённых в тот период исследований статистиков, социологов, врачей и просто образованных людей, проходила противоречиво. С одной стороны, она отражала объективные процессы превращения России в современное (для того времени) общество с растущим индустриальным сектором, увеличивающимся рабочим классом и сокращающемся крестьянством, нарастанием миграционных потоков в рамках колонизаторской политики правительства. А с другой стороны, рассмотренные исследования показали драматизм социального состояния трудящихся классов, их социальные практики и повседневную жизнь во всём многообразии. Обращение к истории этих исследований довольно поучительно, оно позволяет увидеть рождение новых научных направлений общественных наук в России, прогрессивные для своего времени методы анализа, тщательность его проведения и энтузиазм исследователей. Благодаря этим людям мы видим теперь, как проходила структурация российского общества на переломном этапе российской истории – после отмены крепостного права и до октябрьского революционного переворота.

Библиографический список

Абрамов В. Ф. 1996. Земская статистика народного образования // Социологические исследования. № 9. С. 83–87.

Азиатская Россия. 3 тома и Атлас. 1914. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса.

Анучин Е. Н. 1873. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. СПб.: тип. Майкова. 508 с.: табл.; 14 л. карт.

- Васильчиков А. 1881. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. 161 с.
- Велецкий С. Н. 1899–1900. Земская статистика: Справочная книга по земской статистике. С предисл. А. И. Чупрова. В 2-х частях. М.: Изд. Сабашниковых.
- Гидденс Э. 2005. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект. 528 с.
- Гидденс Э. 1999. Социология. М.: Эдиториал УРСС. 704 с.
- Гинс Г. 1913. Переселение и колонизация. Вып. I, II. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина. 142 с.
- Голосенко И. А. 1984. Эмпирические исследования рабочего класса в русской немарксистской социологии начала XX в. // Социологические исследования. № 2. С. 163–168.
- Гурвич И. А. 1888. Переселение крестьян в Сибирь. М.: Типография А. Левенсон и К°. 147 с.
- Давидов Д. А. 1911. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. Владивосток: Вост. ин-т. 187 с.
- Дементьев Е. М. 1897. Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет. Изд. 2. М.: Т-во И. Д. Сытина. 256 с. Приложение 39 с.
- Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. 2013. История российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ «Статистика России». 143 с.
- Калачов Н. В. 1864. Артели древней и нынешней России. СПб.: Типография В. Головина. 66 с.
- Кетле А. 1866. Социальная система и законы ею управляющие. Изд.: Поляков и К. 315 с.
- Ключевский В. О. 2016. Русская история. М.: Изд-во «Э». 912 с.
- Куркин П. И. 1902. Статистика движения населения Московской губернии в 1883–1897 гг. Изд. Московского губернского земства. 562 с.
- Куркин П. И. 1914. Земская санитарная статистика // Статистический вестник. № 1–2. С. 33–59.
- Мартынов В. С. 1903. Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Малышева Воронежского уезда. Саратов: Типография Губернского ведомства. 75 с.
- Морозов С. Д. 2016. Особенности миграции населения в 1897–1914 гг. // Траектория науки. № 6 (11). С. 4.1–4.10.
- Общинное землевладение. Выпуск 1. Изд. второе. Одесса: Типография Ульриха и Шульца, 1878. 176 с.
- Рашин А. И. 1951. Грамотность и народное образование в XIX–начале XX вв. // Исторические записки. Т. 37. С. 126–147.
- Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Книга VI. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко., 1888.
- Твердова-Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А. 1926. Земские подворные переписи 1880–1913. М.: ЦСУ СССР. 328 с.

Туган-Барановский М. И. 1900. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб.: Изд. О. Н. Поповой. 561 с.

Туган-Барановский М. И. 1997. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое исследование русской фабрики в XIX веке. М.: Наука. 735 с.

Флеровский Н. Н. 1938. Положение рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз. 464 с.

Хвостов В. 1809. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги, до иркутской границы. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 107 с.

Чупров А. А. 1909. Очерки по истории статистики. VII. СПб.: Изд. М. и С. Сабашниковы. 443 с.

Шингарев А. И. 1907. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: типография тов-ва «Общественная польза». 223 с.

Шперк Ф. Ф. 1885. Россия Дальнего Востока // Записки по общей географии Императорского Русского географического общества. Т. XIV. СПб.: Типография Императорской Академии наук.

Южаков С. Н. 1917. Аграрный вопрос в России. Петроград.: Бюро российской прессы. 16 с.

Ямзин И. Л. 1912. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира. IV. 1

Статья поступила 10.03.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

The Structuration of Russian Society in the 19th and Early 20th Century (Based on the Works of Domestic Researchers)

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. The structuration of Russian society in the 19th and early 20th century (based on the works of domestic researchers). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Abstract. This article represents the first stage of a research project dedicated to analyzing the structuration of Russian society throughout the period since the mid 1800's and until this day. The timeline for part one includes the period up until 1917, while part two will be dedicated to Soviet and post-Soviet times. This article utilizes the methodology of A. Giddens, who suggested using the term "structuration" in order to analyze social relationships in space and time. This methodology implies examining structuration processes through the lens of those studies

which were conducted during periods when radical shifts were occurring within the structure of Russian society. The main event which defined the direction for social change turned out to be the emancipation of the serfs in the Russian Empire, which led to shifts in the population's structure: accelerated development of a working class, social transformations in the village, and the advancement of internal migration in Russia. The article shows that in Russia these processes were accompanied by science, which included official agencies conducting population censuses, studying the composition and working conditions at factories and plants (this function was carried out by plant and manufactory inspectorates), as well as studies conducted by scientists and practitioners. The works of Nikolai Kalachov, N. Flerovsky, Evgeny Pogozhev, Mykhailo Tuhon-Baranovskyi and others aided in developing detailed social characteristics of workers and their position in the structure of society and at work. Studying the village (and consequently the largest social class – the peasants) was the prerogative of provincial councils. Comprehensive monographic studies were conducted by Piotr Semionov, Vassily Pokrovsky, Vassily Orlov, Piotr Chervinsky, Fedor Shcherbina, as well as other researchers. The article shows that the population's structuration at the turn of the century in regards to the territorial aspect depended on resettlement and internal migration to a significant degree. Remarkable studies of this process were conducted by Denis Davydov, Evgeny Anuchin, Isaac Hourwich, Ivan Yamzin and other Russian scientists. Aside from scientists, practitioners also took part in these studies. The Russian intelligentsia actively partook in field research. The educated class' efforts made it possible to attain valuable data on society's structure, on the state of social relationships in Russia, migration processes, and the social characteristics of society's key structural elements – peasants and workers.

Keywords: structure, social structure, census, studies of the working class and peasantry, zemstvo studies, monographic studies, relocation, colonization

References

- Abramov V.F. Zemstvo' statistics of people education. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1996: 9: 83–87 (In Russ.).
- Anuchin E.N. The investigations of the rate of deportees in Siberia between 1827–1846. Saint-Petersburg, 1873 (In Russ.).
- Asian Russia. 3 volumes and Atlas. Saint-Petersburg, A.F. Marx publ., 1914 (In Russ.).
- Chuprov A.A. Essays on the history of statistics. Saint-Petersburg, 1909 (In Russ.).
- Communal land tenure. Issue 1. Odessa, Ulrich and Schultz publ., 1878: 176 (In Russ.).
- Davidov D.A. Colonization of Manchuria and North-East Mongolia. Vladivostok, 1911 (In Russ.).
- Dement'ev E.M. Factory. What does it give people and what does it take away from them? Moscow, 1893 (In Russ.).
- Eliseeva I.I., Dmitriev A.L. The history of Russian state statistics: 1811–2011. Moscow, Statistika Rossii, 2013 (In Russ.).
- Flerovsky N.N. The position of the working class in Russia. *Izbranny'e proizvedeniya v 2 tomakh = Selected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow, 1958 (In Russ.).
- Giddens A. *Sociology*. Moscow: E'ditorial URSS, 1999 (In Russ.).
- Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2005: 29 (In Russ.).
- Gins G. Migration and colonization. Issue I, II. Saint-Petersburg, 1913 (In Russ.).
- Golosenko I.A. Empirical research of the working class in Russian non-Marxist sociology of the beginning of XX century. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1984: 2: 163–168 (In Russ.).
- Gurvich I.A. Resettlement of the peasants to Siberia. Moscow, 1888 (In Russ.).
- Kalachov N.V. Artel in ancient and modern Russia. Saint-Petersburg, 1864 (In Russ.).
- Khvostov V. On the Tomsk gubernia and about population of big Siberian road, till Irkutsk border. Saint-Petersburg, 1809 (In Russ.).
- Kurkin P.I. Zemstvo sanitarian statistics: the experience of the scheme construction. Moscow, 1912 (In Russ.).
- Marty'nov V.S. Modern position of Russian village. Sanitarian and economic description of the village Malyshevo, Voronezh county. Saratov, 1903 (In Russ.).
- Morozov S.D. Features of population migration in 1897–1914 years. *Traektoriya nauki = Trajectory of science*, 2016: 6 (11) (In Russ.).

Rashin A.I. Literacy and people education at XIX and the beginning of XX centuries. Istoricheskie zapiski = Historical notes, 1951: vol. 37: 126–147 (In Russ.).

Russian thought: monthly literary and political publication. Book VI. Moscow, 1888 (In Russ.).

Shingarev A.I. Dying village. The experience of sanatoria and economic research of two villages of Voronezh county. Saint-Petersburg, Obschestvennaya Pol`za publ., 1907: 223 (In Russ.).

Shperk F. Far-East Russia. Saint-Petersburg, Imperial Russian Geographic Com. publ., 1885 (In Russ.).

Tugan-Baranovskiy M.I. Russian factory at the past and present. Historical development of Russian factory at the XIX century. Izbrannoe = Selection. Moscow, Nauka, 1997: 735 (In Russ.).

Tverdova-Svavitskaya Z.M., Svavitskiy N.A. Zemstvo home censuses 1880–1913. Moscow, CSA of USSR, 1926 (In Russ.).

Vasil`chikov A. Rural life and agriculture in Russia. Saint-Petersburg, M.M. Stasiulevich publ., 1881: 161 (In Russ.).

Veletskiy S.N. Zemstvo statistics: reference book on zemstvo statistics. Part I: history and methodology; Part II: Research programs. Moscow, Sabashnikovs` publ., 1899–1900 (in Russ.).

Yamzin I.L. Resettlement movement in Russia. Kiev, St. Vladimir University publ., 1912 (In Russ.).

Yuzhakov S.N. Agrarian situation in Russia. Petrograd, 1917 (In Russ.).

The article was submitted on: March 10. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna, doctor of Sociological Sciences, Leading researcher, the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia